

За ленточкой

Александр
Григоренко

МОБИК

За ленточкой

Александр Григоренко

Мобик

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2)

Григоренко А. В.

Мобик / А. В. Григоренко — «ВЕЧЕ», 2025 — (За ленточкой)

ISBN 978-5-4484-5744-9

Лёху Студеникина — простого парня с завода — мобилизовали на СВО. Пройдя месячную подготовку на полигоне, боец оказался за «ленточкой» на Донбассе. Но для чего он здесь? Он ведь не профессиональный солдат и не хотел воевать. Пройдя через первые бои, Лёха находит в армии новых друзей и наставников. А главное — осознаёт, для чего эта война и для чего он на ней. Впереди новые, ещё более жестокие бои. Дождётся ли Лёху с войны девушка, и что с ним будет дальше? Автор — ветеран СВО — видел войну своими глазами. Посмотрите на неё и вы.

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5744-9

© Григоренко А. В., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

От автора	6
(He) начало	7
Глава первая	9
Глава вторая	18
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Викторович Григоренко
Мобик
Роман

* * *

© Григоренко А.В., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

От автора

Летом 2023 года мне оторвало кисть руки. При штурме украинского укрепления. Через сутки оказался в госпитале имени Вишневого. Одна из первых мыслей, после того как отошёл от шока и увиделся с женой: «Хочу писать».

Получив из маркетплейса планшет, начал писать. Одной рукой. Этот навык давался трудно, всё-таки экран планшета несравним с телефонным. Но понемногу разогнался.

Сначала набросал воспоминания о последних месяцах на СВО. Как поехал второй раз на СВО, как стал командиром взвода, как ранило в первый раз, как перешёл в отряд «Штурм» и снова «затрёхсотился». Они до сих пор лежат в отдельной папке – к ним пока не прикасался.

Затем написал рассказ на конкурс фонда «Защитники Отечества». О своём погибшем друге и земляке Егоре Владимирове: его тело я вынес с поля боя накануне своего дня рождения. Прямо из госпиталя отправился на церемонию награждения: за первое место в своей номинации.

Победа придала мне уверенности и ответственности. Одно дело писать о себе, особенно в первый раз. Гораздо сложнее написать о других. О тех, кто сражался с тобой плечом к плечу. Не обязательно в одном взводе, роте и даже направлении. Все, кто воюет на СВО, – стоят плечом к плечу. Мы все одной крови.

И я начал придумывать персонажа. Он родился сам по себе – ведь таких, как он, воюют сотни тысяч. Мобилизованный. Тот, кто попал на войну не добровольцем, а по приказу государства. Так родилась повесть «Мобик», которую вы сейчас держите в руках.

При описании героя передал ему ряд своих личностных черт. В основном бытовых. Главный герой пьёт только чёрный кенийский чай и играет в «быстрые танки».

Но как личность он совершенно другой. Моложе и с другим жизненным опытом. А вот парочка его товарищей списаны с реальных людей из моего взвода. И вы сами поймёте, кто.

В моей книге есть Любовь. Как же без неё? Она не простая: а у кого любовь простая? И есть Жизнь. И это правильно. Ведь Смерти в ней тоже хватает.

Старался не жестить: в книге минимум смертей, крови и страданий. Хотя – нет, кому вру? Это война, и там есть всё. Но там этого столько, сколько мог увидеть мой герой. И сколько нужно увидеть вам.

Не знаю, получилось ли? Но надеюсь, что мне удалось показать героя в развитии: начиная с того момента, когда он прошёл в дверь военкомата, и заканчивая... Ведь человек на войне не статичен: он меняется, и очень сильно. Иногда не в лучшую сторону.

Хотя писал книгу по плану, до последней главы не знал, что будет с моим героем в конце. Не знаю этого и сейчас, ведь последняя глава ещё не дописана. Надеюсь, с ним всё будет хорошо.

Я попытался показать войну – какая она есть. Ну, почти. Мертвые не простят лжи. Лишней правды – тоже.

Никто не забыт и ничто не забыто!

Читайте! Это нужно всем! Но особенно пацанам там...

С уважением, Александр (Депутат) Григоренко

(Не) начало

На табло высветилось: «109С „Анапа – Москва“». Поезд плавно затормозил на третьем перроне Киевского вокзала. Три секунды, пока проводница открывала дверь и опускала подножку, и пассажиры хлынули из вагона.

Среди толпы выделялся высокий небритый мужчина в жёлтом пиксельном камуфляже с большим зелёным рюкзаком за широкими плечами. Из вагона этот пассажир не просто вышел, а десантировался, слегка поддёргнув левой ногой. После чего твёрдыми, уверенными шагами светло-коричневых тактических ботинок направился в сторону выхода с вокзала.

Немного поковырявшись в смартфоне, он направился к ближайшей станции метро. По розовой линии доехал до Краснопресненской. Потом перебежал до Баррикадной и по фиолетовой ветке добрался до Тушинской. Пройдя по переходу сто с небольшим метров, сел в белый с жёлтыми полосами 542-й автобус и направился в Красногорск.

Мужчина не обращал внимания на мелькавшие перед ними лица пассажиров подземки. На него тоже никто не смотрел. К военным все давно привыкли. Полное безразличие. Этому правилу последние три года следовало большинство москвичей.

И не важно, что сейчас украинский беспилотник ударил по беззащитной белгородской деревушке и убил троих трактористов и доярку. А в двухстах километрах от деревни шёл в последний и отчаянный бой отряд «Шторм V». И неважно, что задача безнадежная: приказ должен быть выполнен. Это война.

Такие же безразличные ко всему люди сновали и по улицам мегаполиса. На лицах многих пассажиров метро царил безнадёга. Сказывалась давящая тяжесть подземки. На свежем же воздухе люди оживали, и в глазах у них появлялась целеустремленность. Вперёд, только вперёд! За место под солнцем! Молодёжь же просто беззаботно веселилась.

Обилие ярких красок и слепящего солнца немного раздражало солдата. Вдобавок к цветам шли дребезжащие звуки машин. Он давно отвык от такого: полтора года среди однотонных зимой и летом белых кустов и редких деревьев у кого угодно разовьют светобоязнь. Про постоянные звуки летящих мин можно не говорить. Их свист вьелся любому солдату в подкорку. Но нормальное восприятие понемногу возвращалось: краски уже не казались такими вызывающими, солнце ослепляющим, а звуки резкими.

В автобусе боец сел на свободное место и осмотрелся. Кроме молодёжной компании, в салоне находились две пенсионерки и грустная молодая женщина с маленькой по виду, трёхлетней девочкой и пацаном лет шести-семи. В руках женщина сжимала большую брезентовую сумку, в каких раньше возили продукты.

Лёха подсел к женщине:

– Здравствуйте, вы в госпиталь едете?

– В госпиталь. А как вы догадались?

– Да сам там лежал. – Лёха показал взглядом на руку. – Муж лежит?

– Муж, – вздохнула женщина, – ногу ему...

– Всё нормально будет с вашим мужем, сделают ногу лучше прежнего.

– Дай-то Бог!

– Говорю же, нормально будет. У меня полпалаты через протезирование прошли – бегают уже. Детей-то как зовут?

– Маша и Коля, – с нежностью произнесла женщина.

Дети с любопытством посмотрели на солдата. Он напомнил им отца, только моложе.

– Хорошие ребята растут. Парень – настоящий воин.

– И отца хватило, пусть инженером будет, – поспешила поправить его истрадавшаяся женщина.

– Ну, или инженер, – задорно улыбнулся Лёха, – а Маша врачом будет.

Автобус внезапно затормозил. Лёха бросился к двери и спрыгнул с подножки. Нога уже не подволакивалась. Женщина с детьми ехала в госпиталь, Лёха же вышел у городской больницы. Настроение у него улучшилось. Хмурое после поезда лицо разгладилось и высветилось завораживающей улыбкой.

Проскочив через открытые ворота, Лёха остановился около розового четырёхэтажного здания с большим вестибюлем и попробовал прорваться внутрь, но охрана его не пустила. Не помогло и удостоверение ветерана боевых действий.

– Мужчина, посещение строго с 14.00 до 16.00, – неумолимо объявил охранник, и Лёхе пришлось отступить.

Выбравшись на улицу, он достал телефон и набрал номер жены.

– Солнышко моё, на месте уже, но меня не пускают до двух. Выйди хоть к окну, посмотрю на нашу кроху.

– Хорошо, подходи к третьему окну от входа. Я на втором этаже.

Лёха радостно бросился к указанному окну и восторженными глазами уставился на него. В окне показалась измотанная родами жена с белым свёртком на руках. В нём лежал, выставив ножки, комочек его пищащей и писающей радости. Его дочь. Волна абсолютного счастья охватила Лёху.

Потом жена ушла кормить малютку, а Лёха сел на скамейку возле родильного отделения и стал ждать приёмное время. На бледно-синем небе появились испуганные тучки, даже немного капнувшие на Лёху дождём. Но он не обратил на это внимания: на него нахлынули воспоминания...

Мобилизация, учёба в лагере, отправка на фронт, первый бой, первое ранение, погибшие товарищи... Сколько их? Сейчас уже не сосчитать. И всё это он прошёл ради сегодняшнего дня. Ради того, чтобы увидеть и подержать в руках своё продолжение. Чтобы дочь росла, училась, влюблялась и жила счастливо!..

Глава первая

1

Город доживал последние сентябрьские дни. «Бабье лето» ещё оставляло ласковый след в слегка тёплом воздухе, на до сих пор зеленеющих, но уже подёрнутых унылой желтизной деревьях, и пока сухом, не заполненном осенней грязью, асфальте. Но постепенно следы его становились всё незаметнее.

И всё чаще город навещали, пока ещё легковесные, дожди. Словно предвестие октябрьских ливней и ранних ноябрьских снегопадов, они партизанскими наскоками ударяли по не готовому к боевым действиям городу, а затем так же быстро сбегали. Город это терпел, потихоньку строя оборону из мобилизованных дворников и работников ЖКХ, вооружённых мётлами и специальной техникой.

Жители города пока не обращали на всё это внимания, они по-прежнему жили летом и наслаждались сентябрём. Гуляли по улицам и паркам города, посещали кинотеатры и торговые центры, назначали друг другу свидания и даже на них приходили...

* * *

– Ты завтра поедешь ко мне?

– Конечно, приеду!

Парень и девушка стояли у трамвайной остановки и держались за руки. Парень высокого роста, тёмно-русый, со светло-кариими глазами. Девушка немного ниже его, с тёмно-кариими глазами и остриженными под каре чёрными волосами.

Молодой человек носил синие джинсы, футболку с модным принтом и белые кроссовки «Адидас». Дополняла «прикид» кепка с эмблемой американского баскетбольного клуба. Девушка надела майку с забавными зверушками, короткую, намного выше колен джинсовую юбку и модные кеды на стройные тонкие ноги.

Из-за перекрёстка неторопливо забренчал красный, разрисованный рекламой, переживший многое трамвай. Его стариковское дребезжание сорвало с парня всякое стеснение, и он впился в губы Милы, своей девушки. Та ответила поцелуем, несмотря на стоявших в ожидании трамвая людей – в основном угрюмых пенсионеров с продуктовыми сумками и возвращавшихся с заводов крепких мужиков с потухшим взглядом.

– До свидания, Лёша! – проворковала Мила и заскочила на подножку трамвая. Зажатая в левой руке красная роза и красивые ноги Милы резко выделялись на фоне пожившего на свете транспорта. Лёша помахал ей. Девушка ответила воздушным поцелуем. Дождавшись, пока трамвай уйдёт, он помахал ещё раз.

Лёша находился в отличном настроении. Три месяца он встречался с Милой, и уже задумывался о совместной жизни. Мила тоже ничего не имела против.

Их отношениям мешал только извечный квартирный вопрос. Мила училась на втором курсе педуниверситета и жила в общежитии на набережной. Лёша снимал квартиру со своим бывшим однокурсником Серёгой. Правда, на выходные Серёга обычно садился на электричку и уезжал в Иваново, где жили его родители и девушка. И это облегчало встречи с Милой.

Работал Лёша, несмотря на своё высшее образование, на моторном заводе. Правда, не рабочим, а специалистом по качеству. В его задачу входила проверка произведённых на заводе

деталей на соответствие требованиям заказчиков и стандартам качества. А требований этих – мама не горюй.

Оплачивалась такая работа не очень хорошо, но на холостую жизнь было достаточно. И даже хватало на нехитрые развлечения, вроде похода в бар раз в две недели и свидания с девушками без особых претензий. Как и на более-менее приличную одежду и даже айфон (правда, не последней модели).

И всё же этого было недостаточно с учётом предстоящей жизни с Милой. Главные статьи будущих расходов: аренда квартиры, мебель, бытовая техника. Да и съездить с Милой в Турцию следующим летом не помешало бы. Она на это пару раз намекала.

Но Лёха не унывал. На работе пообещали повышение и прибавку к зарплате.

– Ты парень умный, с высшим образованием, старательный. У тебя всё впереди, – сказал Лёше начальник при последнем разговоре.

2

Утром Лёху вызвали в отдел кадров. Отправился он туда в отличном настроении. Он шёл мимо хорошо изученных за три года станков и установок. Многие из них приходилось проверять во время работы. Но дело не в проверках – за три года Лёха сжился с заводом, он стал для него как родной дом. Тем более, собственной квартиры парень не имел, а времени на работе часто проводил больше, чем дома.

Знакомые по прежним проверкам рабочие вежливо кивали. Всё-таки он для них хоть какое-то, да начальство. Но большее, чем на кивки, времени у них не хватало. Работа на заводе в последние месяцы кипела – количество заказов выросло в разы.

На предприятии уже семьдесят лет собирали двигатели для грузовиков. Часть шла на машины для Министерства обороны, другая – на гражданские автомобили. В последнее время большинство продукции уходило военным. Движки с завода ставили и на военные грузовики, и на БТРы.

Сейчас на одной из площадок стояло пятьдесят готовых двигателей. По плану их на следующей неделе перед финальной приёмкой должен проверить Лёха. А затем движки ждал грузовой поезд до Кургана, где и собирали новейшие БТРы. Хотя нет, новейшими их можно было назвать с оговорками. Просто новые.

Приёмку производил специально назначенный представитель «Ростеха». Этот усатый мужчина лет пятидесяти с военной выправкой встретился Лёхе по пути в административный корпус. Лёха поздоровался с ним. Дельный мужик, из бывших военных, и на ремонте БТРов собаку съел. Он мог на спор определить неполадки по гулу двигателя.

Ещё по дороге в кадры Лёха встретил несколько приятелей. Здороваясь с ними, Лёха обратил внимание на почти незаметную тревогу, которая пряталась в их глазах. Чем моложе были мужики, тем больше этой тревоги читалось на вечно усталых от заводского шума лицах и давно потухших глазах.

Мария Валерьевна, – многолетний начальник отдела кадров (женщина лет пятидесяти, с блёклым лицом и соломенного цвета волосами), встретила Лёху без особой радости. Хотя, вообще, они были хорошо знакомы. Её сын был ровесником Лёхи, и она относилась к нему почти с материнской любовью.

– Лёша, – сразу начала с дела Мария Валерьевна, – пришли согласованные с военкоматом списки на бронь. Тебя там нет, ты ведь не рабочий, – вздохнула она. – Удачи тебе... там, – добавила она и передала повестку.

Лёха растерялся. Он, конечно, знал про мобилизацию. Вот уже вторую неделю о ней трубили с экранов телевизоров, и Интернет не отставал. Но следил за этим Лёха неактивно. Телевизор он смотрел только по выходным, а из каналов предпочитал ТНТ и Матч-ТВ. В соци-

альных сетях тоже особо не сидел. Всё свободное от работы и общения с Милой время он посвящал любимой онлайн-игре «WOT blitz».

Лёха не соотносил мобилизацию с собой. Гражданский долг перед Родиной он считал выполненным. Срочную службу в полку связи честно отгарабанил три года назад, сразу после окончания университета. В отличие от многих сокурсников, он не стал косить, а тут...

– Спасибо, Мария Валерьевна, – вежливо ответил он и, взяв в руки повестку, направился в родной отдел. Предстояло о многом подумать и многое сделать.

Вслед ему устремилось несколько сочувственных взглядов от традиционно женского коллектива отдела кадров. У всех – мужа, братья, дети. И многим из них в ближайшие недели предстояло отправиться на фронт.

Мария Валерьевна отметила со вздохом Студеникина Алексея Леонидовича в списке на предстоящую мобилизацию от завода. Лёха – двадцать четвёртый за сегодняшний день, кому она вручила повестку. «И почему завод должен делать работу за военкомат?» – мысленно посетовала она, пряча список под кадровой инструкцией. И сама же поправила себя: «Так всегда было. Заводы занимались призывом и мобилизацией с советских времён».

Лёха же вернулся к себе и зашёл к начальнику – Сергею Петровичу. Он хотел уведомить его. Но Петрович уже всё знал.

– Ты давай это, Лёха, не грусти, – сказал он, посмотрев на поникшего подчинённого, – всё будет пучком. Я тоже полтора года в Афгане отвоевал, а потом ещё в Чечне в 94-м. Тяжело было, конечно. Но и на войне можно жить. Главное – держаться за пацанов и не трусить... – так наставлял Петрович своего сотрудника, похлопывая по плечу.

3

В восемь утра в понедельник Лёха, как предписывала повестка, явился в военкомат. Сотрудница в стеклянной будке на входе сверила паспорт с повесткой и направила новобранца на второй этаж, в восьмой кабинет.

Перед кабинетом уже стояла очередь мужиков: молодых и старых, здоровых и не очень, хорошо одетых и слегка неряшливых. Мобилизация гребла всех. Ну, или почти всех, если верить оппозиционным телеграм-каналам. Последних, впрочем, Лёха не читал. Из мессенджеров он использовал только Ватсап и только для рабочей переписки. С друзьями и Милой Лёха тоже общался через него. Ну, и ВК, который он завёл ещё в школе, как и все его сверстники.

Лёха поздоровался со знакомым парнем Виктором и занял место в очереди. С ним Лёха учился в одной школе и занимался самбо в одной секции.

– Что, Лёха, тебя тоже мобилизуют? – спросил Виктор с оттенком сочувствия.

– Видимо... – грустно ответил тот.

– Ничего, всё нормально будет. Съездим ненадолго, накостыляем хохлам, денег заработаем, вернёмся королями!..

Лёха впервые задумался о деньгах. Президент Путин на днях объявил о выплатах в двести тысяч рублей в месяц для мобилизованных. Это намного больше, чем он получал на заводе. Так что логика в словах Вити есть. Вряд ли война продлится больше года, но заработать пару миллионов и купить хотя бы простую однушку реально. Тем более, мобилизованным обещали льготную ипотеку (или не обещали, Лёха точно не помнил).

Но Лёха не думал, что война будет лёгкой прогулкой. За новостями он особо не следил, но выводы делать умел. Поход на Украину уже не казался таким лёгким, как в первые дни СВО. Сначала наши отступили из-под Киева и Чернигова, затем застряли на Донбассе, а этой осенью украинцы прорвали фронт в Харьковской области. Что, собственно, и привело к мобилизации.

«Поэтому лёгкой победы не будет, – думалось Лёхе, – нас ожидает тяжёлая и изнурительная война, в которой запросто можно погибнуть или стать инвалидом». Погибать не хотелось,

как и превратиться в искалеченного. Таким стал недавно Лехин знакомый. Он вернулся из-под Киева без ноги и сейчас проходил лечение в военном госпитале.

Но мысли сбежать у Лёхи не возникало. Некуда было бежать. Да и не так он был воспитан. Зря, что ли, два его прадеда погибли на Великой Отечественной? Один под Сталинградом, второй – как раз под Харьковом...

Тем временем очередь дошла до Лёхи. В кабинете за двумя столами сидели пожилой мужчина в зелёной военной форме с двумя звёздами подполковника на погонах, врач в белом халате и женщина лет пятидесяти в синей вязаной кофте.

– Фамилия, имя, отчество? – сурово спросил военный.

– Студеникин Алексей Леонидович...

Пожилая женщина сделала карандашом пометку в какой-то ведомости.

– Документы! – повелительно потребовал военный.

Лёха отдал повестку, паспорт и военный билет. Мужчина посмотрел его военник, потом подождал, пока женщина достанет из папки какую-то бумагу.

– Значит так, Алексей Леонидович. Категория годности у вас «А». Противопоказаний и болезней нет, поэтому решением призывной комиссии, согласно указу Президента РФ о мобилизации, вы призываетесь на военную службу. Вам следует в среду явиться в военкомат для отправки в часть.

– Вот, распишитесь. – Женщина подала Лёхе бумагу на подпись. Он на автомате поставил подпись и взял в руки переданное ему решение комиссии.

– А-а... это... медкомиссия-то будет? – опомнился он.

– У вас категория «А». Вы здоровы, – вмешался в разговор врач, – но в части будет медкомиссия. Если считаете, что у вас проблемы со здоровьем, готовьте справки.

– А что брать с собой? – задал вопрос Лёха.

– Минимум вещей. Трусы, носки, мыло, зубную пасту, зубную щётку, – ответил военный. – Всё остальное вам выдадут. – И добавил: – Свободны. Позовите следующего.

С мятой повесткой в руке Лёха вышел из военкомата. Начиналась новая странная и страшная жизнь. И его в эту жизнь затащили, не спрашивая согласия.

4

Сразу после призывного пункта Лёха прошёлся по военторгам. В то, что «все ему выдадут», он не верил. Это же государство и, тем более, – армия. Но денег у него было не так уж много. Примерно сорок тысяч, и это все его «накопления». Поэтому он купил удобную для походов «горку»¹, пару футболок, тактические перчатки, хорошее термобельё, нож, фонарик и ещё несколько необходимых мелочей.

Ботинки и рюкзак он покупать не стал. Их, как «пенку»² и спальник, Лёха приобрёл давно. Он часто ходил на сплавы и турслёты по линии заводской организации рабочей молодёжи.

Выбор в военторгах города оказался не сильно большой: мобилизованные раскупили почти всё ещё в начале мобилизации, да и сейчас продолжали скупать. Причём мужики приходили с жёнами и даже матерями.

Больше всего Лёху поразила парочка из мужичка небольшого роста и значительно более крупной жены. Жена держала в руках распечатанный из Интернета список вещей, которые

---

¹ «Горка» – популярная в армии форма, изначально шилась в Афганистане из палаточной ткани для спецназа ГРУ. Активно использовалась во время ряда локальных конфликтов. Но как официальная форма так и не была принята.

² Подложка под спальник.

нужно купить, и деловито выбирала по нему снаряжение. Мнение супруга мадам особо не спрашивала.

– Так, это что? – спросила она продавца. – Флисовая кофта и штаны?.. Берём! – Возражение своего мужа, хотевшего сказать, что у него флиски уж есть, женщина даже слушать не стала. Как и при выборе термобелья и ботинок.

«Да, – усмехнулся Лёха про себя, – такая и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдёт».

После военторга он сразу поехал домой. Там он ещё раз померил «горку» и составил список вещей, которые будет брать с собой. Список оказался не очень большим, по сравнению с гулявшими по Интернету:

- Ботинки
- Термобельё
- 2 футболки
- Пара трусов
- Упаковка носков
- Тактические перчатки
- Фонарик
- Фляга
- Вилка-нож
- Кружка
- «Пенка»
- Спальник

Первые десять позиций он уложил в рюкзак, а пенку и спальник прикрепил к нему сзади.

В последний момент Лёха сообразил, что на дворе осень, и добавил к вещам свитер с оленем. Впоследствии ни разу об этом не пожалел. Свитер подарила предыдущая девушка на Новый год. Очень удобный и тёплый. Миле происхождение этого свитера он не объяснял.

Поужинав картошкой с котлетой, Лёха написал общее сообщение друзьям в ВК и рассказал им, что его мобилизуют. В ответ услышал сочувствие и пожелание удачи:

- Давай, Лёха, держись!
- Мы за тебя!
- Да, мы сами...
- Не посрами город...
- Береги себя!..

Один друг либеральных взглядов назвал его оккупантом и пожелал сдохнуть. Лёху это не сильно огорчило, но «друга» он из ВК удалил.

Закончив общение в соцсетях, Лёха решил поиграть напоследок в «танки». «Когда ещё получится?» – подумалось ему перед включением ноутбука. После десяти «каток» он включил телевизор и решил посмотреть фильм. Сначала запустил весёлую американскую комедию – не хотелось забивать мозги чем-то серьёзным. Но через десять минут просмотра стал искать другой фильм, перебирая на телевизионном пульте карточки фильмов на популярном кино-сервисе. И неожиданно для себя выбрал старый советский фильм «Офицеры».

И вот красноармеец помогает старорежимной барышне нести дрова, служба в Средней Азии, рождение сына, его первая любовь, война, гибель сына и его жены, финальная сцена в суворовском училище...

Многое из фильма Лёха недопонимал. Например, как могла Маша бросить ребёнка на бабушку, или почему главные герои – офицеры – так редко пересекались? Неужели нельзя в отпуске где-то встретиться или созвониться хотя бы?.. Но на подсознательном уровне осознавал незыблемость главной мысли фильма: «Есть такая профессия – Родину защищать».

Намного понятнее оказался другой фильм, точнее, два. «Брат» и «Брат–2». Обе картины Лёха смотрел подростком и с тех пор сильно уважал и безвременно погибшего Сергея Бодрова, и всё его творчество. Одно время у него в общаге даже висел постер с «Братом» в его дурацкой кофте с обрезом в руках.

Вспомнился бессмертный диалог Данилы Багрова с окружающим глобальным миром:

«Вот скажи мне, американец, в чём сила? Разве в деньгах? Вот и брат говорит, что в деньгах. У тебя много денег, и чего? Я вот думаю, что сила в правде. У кого правда – тот и сильней. Вот ты обманул кого-то, денег нажил. И чего, ты сильнее стал? Нет, не стал. Потому что правды за тобой нет. А тот, кого обманул, за ним правда, значит, он сильней».

«– Свой своему поневоле брат. Народная фашистская поговорка. (Протягивает руку). Фашист.

– Данила.

– Немец?

– Русский.

– Вообще-то, у меня дед на войне погиб.

– Бывает...»

Фильм оказался пророческим в плане противостояния русских с украинцами. Сначала разговор Данилы Багрова с украинцами и знаменитое «вы мне за Севастополь ответите», а потом освобождение Крыма, война на Донбассе и, наконец, СВО. На этой мысли Лёха стал постепенно засыпать и, наконец, провалился в дремоту.

5

На следующее утро он поехал на работу, чтобы уладить все формальности. Прежде всего, зашёл в отдел кадров и отдал там копию повестки. Чтобы после возвращения с фронта сохранить рабочее место. Захочет ли он тогда остаться на заводе – другой вопрос.

Потом прогулялся по цехам, остановившись возле тех самых пятидесяти двигателей, которые он так и не успел проверить. Кто знает, может, ему ещё предстоит поездить на машинах с этими самыми МЗ–641. Всё возможно! Вообще, их завод – не просто сборочный цех, а предприятие с историей.

Когда Лёха начинал работать на заводе, его, как и других молодых работников, повели в музей. И там они узнали историю основания предприятия. Построили завод в Первую мировую войну в рамках программы по созданию автомобильной промышленности. Была оказывается, такая в Российской империи.

После революции он стал Первым государственным авторемонтным заводом, а в 1926 году его преобразовали в государственный автомобильный завод № 3. И чего здесь только после этого ни выпускали: и большегрузные автомобили, и автобусы, и троллейбусы, и гусеничные артиллерийские тягачи во время войны. И, наконец, в шестидесятые годы XX века завод перестал быть автомобильным и стал производить только двигатели. А выпущено их было сотни тысяч. Словом, Лёха гордился предприятием, на котором работал.

Закончив воспоминания, Лёха зашёл к Петровичу и попрощался с коллегами по отделу. По такому случаю шеф достал из закров бутылку хорошего коньяка. Вообще-то, на заводе пить нельзя, и с этим нещадно боролось начальство, в том числе сам Петрович. Но Петрович и есть начальство, да и уважительный повод имелся.

Здесь же нашлась и закуска: копчёная колбаса, хлеб, овощи. Это Россия. Если есть алкоголь, то и закуска к нему всегда найдётся.

– Давай, Лёха, возвращайся живым и здоровым, – напутствовал его начальник, – и помни, что тебе вчера сказал: главное – держаться за пацанов и не трусить.

Другие коллеги поддержали Петровича. Особенно Анечка – полноватая и добрая блондинка, которая не раз проявляла к Лёхе внимание. Однажды на корпоративе даже пришлось отбиваться от её ухаживаний. Сейчас же Лёха с чувством обнял её.

– Лёша, береги себя и возвращайся быстрее, – нежно прошептала она в ухо, – мы будем тебя ждать.

Выпив пару стопок с коллегами, Лёха вышел с завода и решил прогуляться. Для подготовки перед самым сложным разговором. С Милой. Первые десять минут он шагал по Тихой улице. С обеих сторон улицы росли липы, слегка перекрывавшие дома. Мимо проходили возвращавшиеся с ночной смены работяги. Завод работал круглосуточно.

Тут же тёрлись и школьники, явно не спешившие домой. На удивление Лёха заметил среди них несколько парней и даже девчонку в одежде цвета хаки. «Вот так война входит в головы даже детям», – взгрустнул он. Раньше бы просто не заметил, во что они одеты, но мобилизационная повестка резко обострила его внимание к деталям.

6

По дороге он зашёл в «Красное и Белое» и купил бутылку красного полусладкого вина (именно его любила Мила), а затем заглянул в «Магнит». Там он взял сыра, чипсов и оливки. Вернувшись домой, заказал пиццу в «Додо». Не забыл и спрятать рюкзак с собранным снаряжением подальше от Милы.

В ожидании Милы (она обычно приходила часам к восьми) он запустил на ноутбуке «танки». В «блиц» он стал играть в первый год работы на заводе. Это сейчас Петрович относился к Лёхе уважительно, а тогда гонял его и в хвост, и в гриву. Так же, наверное, в Афгане он гонял салага, пытаясь приучить к солдатской жизни в условиях войны.

Денег тогда особо не имелось. С личной жизнью не складывалось. И Лёха очень боялся, что не сдержится и ввяжется в какую-нибудь драку на районе. Благо район рабочий, и шпаны тут хватало, а он пять школьных лет занимался самбо. «Танки» помогали успокаивать порядком расшатавшиеся нервы, вот и сейчас нервы шалили. Миле Лёха из-за повестки не звонил и не писал. Решил сказать вечером или, возможно, утром.

Запустив «WOT», Лёха выбрал танк – любимый ИС–4. В отличие от многих бывалых игроков он предпочитал советскую линейку танков. За своих играть морально легче. Зарядив танк и поставив на него снаряжение, Лёха запустил рандомный выбор карт и противников. В итоге выпала его любимая Прохоровка.

Лёха рванул в верхнюю часть карты, к скалам возле мельницы. За ним, прикрываясь ИСом как щитом, увязался союзник на «американце» 9-го уровня. Почти сразу Лёха заметил скрывающегося за скалами «противника». «Бах!» – ударил по боковой броне врага. «Бам-бам-бам!» – поддержал его своим барабаном «Йох». За это время Лёха успел перезарядить свою пушку и добил немца: «Бам!..» И вот на счету первый «фраг». С нижней карты подтянулась ещё пара вражеских танков. И тут раздался звонок.

Лёха захлопнул ноут и бросился открывать дверь. Мила вошла навстречу раскрытым Лёхиным рукам. Пара поцелуев и нежных объятий. Освободившись от них, девушка положила кожаную сумочку на тумбочку и стала снимать со своих обворожительных ног кроссовки. Сначала расшнуровала одну ногу, потом – другую. Всё это время Лёха восхищённо любовался ею. А Мила это прекрасно видела и специально затягивала процесс. Девушка – она и в Африке девушка.

Спустя десять минут они, обнявшись, сидели на диване перед телевизором. На маленьком журнальном столике перед ними лежали пицца, сыр, оливки и вино. По телевизору шла «Бриджит Джонс» – старый, ставший классикой романтический фильм.

– Мила... – начал было Лёха, но тут же передумал.

Вместо этого он обнял Милу одной рукой, закрыв её губы поцелуем. Другой рукой начал гладить бедро девушки. Следующим действием расстегнул нежно-розовый бюстгалтер. Словом, стало не до мобилизации...

* * *

На следующее утро Лёха тоже ничего не сказал Миле. Они просто гуляли по району, смотрели кино и постоянно целовались. Вечером поехали в центр города. Вначале прошлись по центральной улице, выйдя на пешеходную зону – местный «Арбат», названный так в честь одноимённой московской улицы. Они прошли мимо магазинов, сувенирных лавок и немного посидели в небольшом молодёжном кафе. Мила съела десерт, а Лёха просто выпил кофе – сладкое он не любил.

Центр города в вечер субботы заполонила местная молодёжь. Модно одетые, в основном в западные бренды, группами, парами и поодиночке, они свободно гуляли по центру. На одной из улиц столпилось несколько десятков девчонок и парней. Они наблюдали за файер-шоу. Лёха и Мила тоже подошли туда, решив посмотреть, как одетый в синие джинсы, белые кроссовки и чёрную кожанку спиннер ловко управлялся с файерами. Выглядело очень красиво.

«И как будто нет войны и мобилизации...» – подумалось Лёхе. Он попытался снова рассказать Миле о повестке, но, увидев, с какой радостью она смотрит на происходящее, передумал. «Пусть ещё порадуется», – решил он и продолжил любоваться своей девушкой.

Рядом с «Арбатом» находилось жёлтое здание городского театра, одного из старейших в России. Как-то они ходили с Милой туда на спектакль по классической русской книге – то ли «Анны Карениной», то ли «Мастера и Маргариты».

Но сегодня они пошли не в театр, а в кинотеатр. На очередную мелодраму. Название Лёха даже не запомнил, Мила выбирала. Всё как всегда. Они случайно встретились, полюбили друг друга, потом поссорились, появился соперник, но потом всё наладилось, и наступил хэппи-энд. «Эх, почему в жизни так не происходит? – хандрит тем временем Лёха. – Зачем постоянно возникают всякого рода форс-мажоры?..»

– Ты чего не смотришь? – зашептала ему Мила, – фильм не нравится?

– Нравится, – улыбнулся он, – отвлёкся просто немножко...

Тем временем фильм закончился, и они уехали домой на такси. Время позднее, а на улице было по-осеннему прохладно. Вечер прошёл так же насыщенно и приятно, как и предыдущий.

* * *

В воскресенье вечером Лёха крепко обнял девушку и, запечатав поцелуем её губы, посадил на трамвай. Про мобилизацию так и не сказал ни слова. Остатки вечера он посвятил тому, что снова собрал и пересобрал своё снаряжение. А заодно почитал в Интернете, что ещё необходимо на фронте.

А требовалось там много чего: мобилизованная впервые за семьдесят лет армия остро нуждалась в бронежилетах, касках, форме, обуви и много ещё в чём. Всего этого в нужных количествах не имелось ни на складах, ни у коммерсов. Даже китайцы не могли быстро поставить всё необходимое. Но бизнес начал постепенно перестраиваться и разворачивать цеха по пошиву формы, мастерские по изготовлению бронежилетов и много другого. Не отставали и

волонтёры. Окопные свечи, маскировочные сети, носки – всё это в огромных количествах уходило на фронт. Страна сосредотачивалась для войны.

Глава вторая

1

Вечером Лёха позвонил своему дяде в Кострому. После смерти матери дядя стал самым близким человеком. Лёхе тогда исполнилось восемнадцать лет, но, несмотря на разницу в возрасте, они подружились.

Тогда Лёха ещё жил в Костроме и часто бывал у дяди дома по праздникам, и так, когда имелось свободное время. Ему очень нравилось посещать его наполненную книгами и интересными историями квартиру.

Дядя работал учителем истории и много интересного рассказывал племяннику. Не всё из услышанного Лёха понимал, но одна история дяди Василия въелась ему в душу. Начинал дядя с выбора веры князем Владимиром Красное Солнышко, про то, как к нему последовательно приходили мусульманин, католик, иудей и православный. И как в итоге Владимир выбрал православие как государственную религию для своего молодого государства. И тут дядя с хитринкой сделал остановку и продолжил рассказ:

– Мало кто знает, что перед тем как прийти на встречу к правителю Руси, мусульманин, иудей, католик и православный отобедали вместе с дружиной великого князя. Первым пировал с дружиной мусульманин Аслан-бей. Булгарин приехал в Киев на прекрасном ахалтекинском скакуне, в сверкающих доспехах и шлеме, увенчанном арабской вязью, с саблей дамасской стали в руке и сложносоставным луком из рога и кости. Во время соревнований дружинников храбрый бей три раза подряд попал точно в цель из лука и обогнал всех русичей на скачке. Увидев это, дружинники позвали его на дружеское застолье. Уважали русичи хороших воинов. Сначала предложили ему выпить. Тот отказался.

«Чего это ты?» – спросил его Алёша Попович, заливая в себя большой кубок с мёдом.

«Аллах запрещает. Нельзя нам, мусульманам, пить вино».

Тогда гостю предложили поесть. Тот съел баранью ногу, кусок телятины, а от сала отказался.

«Чего не ешь-то?» – спросил его Елисей, которого позвали на пир только из-за его невесты, Забавы Путятичны – племянницы князя Владимира. А так-то молод он ещё с дружинниками пировать.

«Харам! Аллах не велит».

Посмотрели на него дружинники недоумённо и продолжили пить и есть. Ибо «Руси есть веселие пити – не можем без того быть» – как любил говорить князь Владимир.

Потом прибыл иудей из Хазарии. Тоже воин, ибо иудеи знали, кого посылать на Русь. Купца дружинники бы даже на порог своей трапезной не пустили, да и князь тоже. Хазарин приехал на дорогом арабском жеребце, в полных доспехах, золочёном шлеме, увенчанном надписью из Торы, с отличной саблей из кордовской стали. Он тоже выиграл скачки и отлично показал себя в рубке. Недаром его учили лучшие степные батыры, из тех, кто остался служить иудейскому кагану и принял его веру. Обрадованные дружинники позвали хазарина на пир. Налили чарку с вином. Тот выпил и не поморщился. Заулыбались дружинники. Дали ему закусить салом.

«Это что, свинина?» – испуганно оттолкнул тот тарелку.

«Это сало», – ответил ему богатырь Добрыня Никитич и, выпив чашу крепкой браги, смачно закусил салом с чёрным хлебом.

«Есть свинину – грех! Яхве запрещает».

Дружинники косо посмотрели на хазарина и продолжили пировать. Что с него взять – рахдонит. Они все с душком. И чего князь Святослав их всех не перебил?

Потом приехал немецкий рыцарь. Высокого роста, на великолепном рыцарском тяжело-весе, в блестящих зеркальных латах, с мечом-каролингом, щитом и копьём в руках. Рыцарь вынес на турнире всех дружинников князя и, гордый этим, смотрел на них с презрением. «Немецкие рыцари есть лучший рыцарь на Welt!» – сказал он после победы. Но выбитые им дружинники позвали его на пир. Обиды они на него не держали и уважали хороших рубак. Рыцарь выпил жбан мёда и не поморщился, съел кучу баранины, говядины и свинины. Хорошим едоком и выпивохой оказался.

После пира позвали дружинники рыцаря в баню.

«Это есть варварство!» – сказал рыцарь и отказался.

Пригляделись тогда дружинники к рыцарю, а он грязный весь. И воняло от него знатно. Прямо как от свиньи. Недаром у него на гербе кабанья голова была нарисована.

«Ты что ж, не моешься совсем?» – спросил его Илья Муромец.

«Мыться – грех!» – гордо заявил ему рыцарь и перекрестился.

Добрыня косо посмотрел на немца и ничего не сказал. А остальные просто отвернулись. Что взять с немчуры этой проклятой? Пускай важничает, рано или поздно покажем мы им, где раки на дне Чудского озера зимуют.

Последним в тогда ещё не златоглавый Киев добрался ромей. Он тоже приехал на коне и с оружием. Неплохо показал себя на тренировке, хоть не выделялся как рыцарь. Потом съездил с дружинниками на охоту. Набили много гусей, лебедей и уток. Позвали его тогда русичи на пир.

Нажрался грек с русичами в хлам, съел немерено баранины, говядины и дичины. Закусил всё это хлебом с салом. И не поморщился. Сходил с дружинниками в баню. Попарился знатно. Ибо с детства ходил в Царьграде в термы. И только вышли они все вместе из бани, как грек спрашивает дружинников: «Мужики, неплохо бы после баньки по бабам. Есть тут у вас девушки с пониженной социальной ответственностью?»

«Наш человек, настоящий воин и мужик!» – воскликнул радостный Алёша Попович.

«Конечно, наш!» – подтвердил порядком захмелевший Добрыня и похлопал ромея по плечу.

«Наш! – согласно кивнул Илья Муромец. – И вино пьёт, и едой нашей не брезгует, в баньке парится, и по бабам не прочь. – Тут Муромец слегка понизил голос, чтобы не услышала его Настасья Микулишна. – Наш человек!»

О том и сказали князю вечером. «Наш человек, и вера у него хорошая». Ну а дальше вы знаете...

2

Закончив историю, дядя сделал вывод: «Вот так и в нашей жизни мы часто дружим с людьми не потому, что это правильно или выгодно, а потому что нас в этой дружбе связывают не только общие интересы и ценности, но и общие привычки. И на эти привычки-то мы и ориентируемся».

Что это работает, Лёха понял, когда оказался в армии. Первое время пришлось тяжело. Дедовщина уже вымирала, но это не отменило исконного стремления сильных мужчин доминировать над другими и объединяться ради этого доминирования.

Их «призыв» попытались прижать местные «дедушки», которые сами отслужили, дай бог, полгода. Но среди «духов» нашлось сразу несколько человек, занимавшихся самбо.

И дело тут не в знании приёмов, просто среди самбистов полагается уважать настоящих старших, но при этом не принято унижаться перед выпендрёжниками. Это сплотило их

перед «дедами». Начав с разговора о соревнованиях, о тренерах, небольшая группа постепенно дошла до мысли, что сложившийся порядок надо менять. И они его поменяли.

В одну из ночей самбисты, в том числе Лёха, устроили «тёмную» «дедушкам». И последующие полгода службы прошли без проблем. Вот такая дядина мудрость и её практическая реализация в жизни.

Дядя взял трубку сразу.

– Привет, Алексей! – спокойным голосом ответил он. – Давно не звонил. Как дела?

– Дядя, такие дела... меня мобилизуют. Послезавтра уезжаю. Я, собственно, позвонил сказать об этом и попрощаться.

Дядя помолчал. Он не любил пустой болтовни. Но интересные истории рассказывать умел.

– Ну, что ж, Алексей, – начал он. – Я наблюдаю за тобой с детства и уверен, что ты справишься с вызовом, который стоит перед тобой. Война – кровавое дело, но, к сожалению, без неё, видимо, никак. Как бы некоторые ни заверяли о стремлении к миру, мы всё равно воевали и будем воевать. Главное – не ошибиться со стороной, – продолжил он, дыша в трубку, – и воевать с теми и за тех, кто для тебя свои люди. Желаю тебе удачи и желаю быть со своими. Впрочем, ты и так будешь с ними. Возвращайся живым и здоровым. Как вернёшься или в отпуск приедешь – звони. Буду рад тебя видеть и слышать, племянник.

Ответ дяди не удивил Лёху. Дядя никогда не скрывал своих патриотических взглядов и постоянно костерил либералов за прозападную политику. Лёха в этих самых либералах и их взглядах не особо разбирался, но подсознательно впитал от дяди отрицательное к ним отношение. Дядя был для него своим, а враги твоих людей – и твои враги.

Да и то небольшое, что Лёха знал о либералах, не сильно нравилось. Начиная с огульной критики России и её истории и заканчивая защитой разного рода сексуальных меньшинств. К последним Лёха испытывал неприязнь, свойственную большинству русских. «Что вы делаете в спальне, ваше дело, – думал Лёша о таких людях, – но не пытайтесь навязывать свои отношения другим».

И это навязывание Лёхе было очевидно. Оно заметно в кино, где стали массово появляться нелепые герои – представители так называемого ЛГБТ. Эта гадость полезла даже в компьютерные игры, и в них просто стало невозможно играть.

3

Сестре Юле Лёха позвонил сразу после разговора с дядей. С Юлей он не был так близок, как с дядей. Старшая сестра рано вышла замуж, родила двоих детей, потом развелась, и ей стало, мягко говоря, не до постоянного общения с братом. Тем более, после того как он уехал из родного города – сначала учиться, а потом и работать.

Долю в квартире матери он, кстати, подарил сестре. Во-первых, потому что считал это правильным (он – мужик и сам должен заработать на квартиру), а, во-вторых, он не собирался возвращаться в родной город.

Не то чтобы Лёха не любил его, просто после университета он понял, что ему больше подходит нынешнее место жительства. Здесь было комфортно, и он ощущал город своим. Да и работы по специальности (редкая в нынешние времена штука) в родном городе не нашлось.

С сестрой и своими племянницами Лёха, кстати, проживал некоторое время, учась в одиннадцатом классе. Мама уже умерла, а Юля развелась, и им с детьми стало негде жить. Юля работала на текстильной фабрике. И часто оставалась там допоздна. Поэтому Лёха нянчился с племянницами – девятилетней Катей и пятилетней Машей.

Столько мультиков, сколько он тогда с ними пересмотрел, Лёха не видел даже в детстве. «Смешарики», «Лунтик», «Фиксики», все серии про Шрэка и Миньонов и, конечно, мультфильмы про богатырей. И всё – за неполные полгода, пока жили все вместе...

Сестра ответила не сразу.

– Привет, Лёша! – прокричала она сквозь детские вопли, раздававшиеся из трубки. – Как дела?

– Юля... тут такие дела-а...

– Только не говори, что тебя мобилизуют! – сразу поняла старшая сестра. Всё-таки у женщин чуйка в отношении близких вшита в сердце.

– Да, завтра в военкомат уже и отъезд.

– А как-то откосить нельзя? Ты же вроде на заводе работаешь, там бронь должна быть?

– На заводе брони у меня нет, я же не рабочий, а так... трутень, – усмехнулся Лёха. – А косить я не буду. Не так воспитан.

– Да уж, воспитали на свою голову, – загрустила сестра. – Ладно, Лёша, понимаю, что тебя не остановить. Береги себя там, пожалуйста, не лезь в пекло. Помни: у тебя есть люди, которые тебя любят. Приехать на проводы не смогу, уже не успею, поэтому возвращайся, Лёша. Мы будем ждать...

Тут Юля заплакала. У Лёхи замерло сердце: всё-таки семья – это главное у человека. И неважно расстояние между её членами. Кое-как успокоив Юлю и попрощавшись, Лёха удалился в воспоминания о матери...

* * *

Мама воспитывала их одна. Нет, отец не бросил её с двумя маленькими детьми. Он умер от язвы желудка, когда Лёше было три года, а сестре – семь. Отец отработал десять лет в уголовном розыске. Там, видно, и посадил желудок. Ночные дежурства и ненормированный график работы не способствуют нормальному пищеварению.

У мамы с рабочим графиком тоже оказалось не очень хорошо. Она в своё время закончила медицинский в Ярославле и теперь работала участковым врачом. При этом умудрялась не только ходить по больным, но и заботится о двух «спиногрызах». Второй раз замуж так и не вышла.

– Мне что важно в жизни, – говорила она подругам, пытавшимся свести её с очередным ухажёром: – детей вырастить и дать им образование. А все эти шуры-муры, ну их. Я любила мужа и люблю...

Всё свободное от работы время мама посвящала детям. Каждый вечер, несмотря ни на что, проверяла домашние задания. А ведь нужно было ещё и готовить еду на всех троих. В уборке, кстати, маме помогали дети, а с возрастом и вовсе забрали на себя эту домашнюю обязанность.

По выходным она упрямо водила сына и дочь в музеи и кино. По возможности возила на экскурсии по Золотому кольцу. Нередко они брали с собой дядю, но и без дяди она многое им рассказывала.

– Дети, вам кажется, что вы живёте в глуши, – говорила она сыну и дочери, – а на самом деле именно отсюда началась Россия. Владимир, Суздаль, Ростов Великий, Ярославль, Кострома – это города, на основе которых возникла Русь изначальная. И только потом появилась Москва и сжала всех своими тисками.

На всю жизнь Лёха запомнил экскурсию во Владимир. Вместе с мамой посетили великолепный владимирский кремль с Успенским и Дмитриевским соборами, осмотрели знаменитые резные Золотые ворота. Затем побывали в Богородице-Рождественском монастыре. В завершение сели на автобус и поехали к Церкви Покрова на Нерли.

Это чудо древнерусской архитектуры виднелось издалека. Однокупольная белокаменная церковь словно сливалась с небом, заставляя размышлять о вечном. Великолепный храм выступал символом Руси, о которой часто рассказывали дядя и мама. Да и сама мама чем-то была похожа и на Церковь, и на Русь. «О, Русь моя! Жена моя!» – писал один известный поэт. И мама действительно была такой – красивой, доброй и жертвенной.

И смерть мамы тоже стала жертвой. Сердечный приступ случился с ней на работе во время обследования пенсионерки. Бабушка быстро вызвала «скорую», но та приехала слишком поздно. Мама умерла по пути на операцию, и никакие реанимационные мероприятия не помогли. Грустные врачи разводили руками: многие из них знали скромную участковую и, по совместительству, члена профкома. Даже здесь она умудрялась служить людям.

Все в районе знали Наталью Сергеевну. И когда врач умерла, на похороны пришло несколько сот человек. Коллеги по больнице, взрослые пациенты, родители детей, которых мама лечила, сами дети.

Лёха нёс тогда гроб с телом вместе с дядей и несколькими коллегами мамы. Тело казалось невесомым. На фоне высокого отца, которого Лёха знал только по фотографиям, мама выглядела крохой. Но когда отец умер, оказалось, что силы в этой крохе нашлось немерено. И её хватило и на собственных детей, и на тысячи пациентов.

«Способен ли я на жертву, подобную жертве моей матери? – думал Лёха. – Наверное, нет. Сейчас другое время – нужно жить для себя. Хотя жизнь покажет... а в моём случае жертва вполне может быть. Причём, недобровольная, в отличие от маминой...»

4

На следующий день Лёха решил прогуляться. Надел куртку, погода была дождливой, и вышел из дома. Мимо прошли немногочисленные в это время дня пешеходы. Всё-таки ещё рабочее время и район пролетарский. Здесь люди много работали и на улице появлялись только по дороге из дома на работу и обратно. Тут даже по вечерам бродило мало людей.

Это в центре города вечерами активно бурлила жизнь, молодёжь рассаживались по кофейням и гуляла по паркам и проспектам после учёбы. Офисные клерки и чиновники среднего звена потихоньку собирались в более дорогих ресторанах. Ну а совсем серьёзные люди из солидных кабинетов ещё работали. Они появлялись в ресторанах для «своих» под ночь. В рабочем же районе народ даже вечером ходил только в магазины. Благо в их районе открыли много «Пятёрочек», «Магнитов» и «Монеток».

Мимо прошли две симпатичные девушки – чёрненькая и беленькая. Беленькая даже улыбнулась, но Лёхе было не до них. Он продумывал разговор с Милой. Лёха понимал, что Миле необходимо сказать о мобилизации и о том, что он завтра уезжает. Но и осознавал, что Мила может разорвать отношения с ним после этого. И не только из-за долгого ожидания, но и из-за политики.

Мила критично относилась к власти и с самого начала СВО её критиковала. «Это не наша страна, – говорила она, – зачем мы напали на Украину? Зачем там гибнут мирные жители? Для чего там умирают наши солдаты?» Эти вопросы Мила часто задавала Лёхе. Лёху же политика не интересовала, его волновала Мила. Поэтому он не спорил или молча соглашался со своей девушкой.

Хотя в глубине души понимал, что российская армия зашла на Украину не просто так. Что наши парни там гибнут не бессмысленно. Только вот объяснить понятными словами ни Миле, ни себе он это не мог. Или не видел смысла.

Уже несколько одноклассников Лёхи ушли на фронт – кто по мобилизации, а кто добровольно. Один из них, Сергей, погиб под Гостомелем. Причём от него никто не ожидал, что он уедет на войну, да ещё в составе ВДВ. Школу Сергей окончил с золотой медалью. И умудрился

не только поступить в университет, но и отслужить после него год срочной службы в ВДВ. Про это, кстати, большинство его одноклассников (включая Лёху) узнали уже после похорон...

Вскоре Лёха дошёл до своего любимого места в городе – небольшого сквера с фонтаном в конце Тихой улицы. Он остановился и достал свой телефон. Вначале по привычке заскочил во ВК, пересмотрел все новости своих немногочисленных друзей, ответил на пару сообщений. Затем волевым усилием набрал номер Милы.

– Да, Лёша. Как дела? – ответила она сразу.

– Мила, я хочу сказать... тебе очень важное.

– Лёша...

– Мила, в общем, мне пришла повестка по мобилизации, и завтра я уезжаю.

– Как это могло произойти... не вздумай! Лёша, не надо уезжать на эту бойню.

– Мила, я должен.

– Никому ничего ты не должен! А особенно этому государству. Не вздумай ехать на Украину, иначе ни о каких отношениях речи не может быть! – и бросила трубку.

Лёха бессильно опустил на деревянную скамейку. «Вот так и думал, что так будет... Эта проклятая война разделяет близких и друзей. А я ведь не добровольно туда иду, и всё равно не прав. Как так-то?..»

5

Чтобы забыться, Лёха решил прокатиться на теплоходе по Волге. Доехав на троллейбусе до центра города, он пешком дошёл до набережной и вышел к речному порту. Там он заплатил пятьсот рублей за место на небольшом теплоходике и стал ждать отплытия.

Мимо проплыл большой туристический теплоход. Он шёл по Волге от Твери до Астрахани. Мама рассказывала: когда отец был жив, они путешествовали на таком судне. И очень впечатлились. Сестра путешествие помнила полностью. В голове Лёхи отложилась только музыка на палубе и капитан в синем кителе и фуражке с якорем. Немудрено, Лёхе тогда было три года.

Наконец, подошёл небольшой прогулочный теплоход – знаменитая «Москва». Знаменитая потому, что её использовали для экскурсий по Волге и Каме ещё с советских времён. Двухпалубный теплоход с надстройкой на крыше под навесом. Именно туда и ушёл Лёха, сев на деревянную скамейку.

Теплоход шёл по маршруту от речного порта до «Стрелки», потом до женского монастыря и обратно. «Стрелкой» называли место впадения речки, на которой первоначально возник город, в Волгу. Именно там, по легенде, высадился с ладьи древнерусский князь, заложивший затем город. Женскую обитель основали в тринадцатом веке, и она прославилась местной иконой Богоматери. В советские годы монастырь, конечно, закрыли, но сейчас он снова действовал.

Пассажиры быстро расселись по своим местам. Семьи с детьми ушли в закрытый пассажирский салон – там безопаснее, молодёжь и слегка подвыпившие компании без детей расселись под навесом. Благо бар на теплоходе имелся, и скоро на столах появилось пиво в банках – в основном «Балтика» и пойло местного производства. Его тоже делала «Балтика», выкупившая в девяностые местный пивоваренный завод. Как рассказывал Петрович, раньше пиво варили лучше. Хотя так он говорил обо всём.

Включили музыку, и зазвучала не классическая и не современная танцевальная музыка, а бесконечная Аллегрова, русский шансон и Газманов.

И там шальная императрица
В объятьях юных кавалеров забывает обо всём,

Как будто вечно ночь будет длиться,
Как будто разочарованье не наступит новым днём.
Гуляй, шальная императрица!
И вся страна, которой правишь ты, берёт с тебя пример.
Легко влюбиться, императрица,
Когда так страстно бирюзовым взглядом смотрит офицер.

Эти песни раздавались над Волгой, когда теплоход подошёл к «Стрелке». Одна такая «шальная императрица» как раз подседа за столик, за которым сидел Лёха. Лет тридцати пяти, в топики, не скрывавшем жир на её животе, с рыжими волосами.

– Чего грустишь, дружок? Меня Лена зовут, а тебя?

Лёха поспешил сбежать в бар, подальше от развязной мадам. Там он не глядя махнул рюмку водки, потом ещё одну и пошёл на палубу. На ней гуляли мамыши с детьми. А по благоустроенной несколько лет назад «Стрелке» в это время слонялись влюблённые парочки. Лёха вспомнил, как и они с Милой тут гуляли, и настроение испортилось. Тогда он зашёл в салон, хлопнул ещё рюмку водки и выбрал свободное место у окна. Теплоход стал отдаляться от берега и направился к монастырю.

Спустя полчаса Лёха снова вышел на палубу. Дул сильный ветер, в хмуром сентябрьском небе летали чайки и усиленно гадили на теплоход, а слева в дымке появился белокаменный с зелёными куполами монастырь. Он чем-то напомнил Лёхе церковь Покрова на Нерли. На палубу высыпали мамочки с детьми, Лёха отошёл в сторону.

Минут двадцать он смотрел на монастырь, а потом заметил прямо в воде какую-то фигуру. Сначала он подумал, что плывёт лодка, но, приглядевшись, не поверил глазам. По воде как по земле, шла женщина в длинных белых одеждах. Строго посмотрев на Лёху, перекрестила его, кивнула и исчезла. И показалось Лёхе, что лицо странной женщины сочетало в себе черты его матери и Богородицы со знаменитой иконы. Её лик он видел во время заводской экскурсии в монастырь прошлым летом.

«Три рюмки водки на голодный желудок – это много для меня», – подумал Лёха и снова ушёл в салон. Там он и продремал всё время, пока «Москва» возвращалась в речной порт.

6

Вечером Лёха ещё раз проверил по списку собранные вещи и набрал номер своего приятеля Серёги. Предложил сходить в бар неподалёку. Серёга сразу согласился.

Бар «Ритм» считался не особо пафосным местом. В нём наливали местное пиво и подавали неплохую еду. Лёха бывал в барах не так уж часто, но из всех подобных заведений предпочитал именно это.

Парни заказали по кружке пива и закуску к нему. Серёга взял светлое, а Лёха тёмное. Серёга – острые куриные крылышки, а Лёха – бургер. Затем завели неспешный разговор.

– Вот, завтра уезжаю. Мобилизовали меня.

– А у меня пока бронь. Я на оборонном заводе, но всё может быстро поменяться.

– Да всё и так поменялось. Вся наша жизнь изменилась за один день.

– Да ты не переживай. Скоро вернёшься. У нас армия – вон какая! Танков сколько, авиации, артиллерии!

– Не думаю, что всё будет легко, иначе мобилизацию бы не начали...

Затем они перешли к общим воспоминаниям об университетских годах: какие преподы нормальные, какие – козлы, с кем дружили, с какими девушками встречались.

И тут Лёха неожиданно для себя сказал:

– А меня девушка вчера бросила. Из-за мобилизации.

– Та самая, Мила? Ну и дура! Не переживай, все бабы будут твоими, когда вернёшься.

Эти слова Лёху, конечно, не сильно утешили, но пиво успокаивало разбушевавшиеся чувства. Затем приятели обсудили работу, начальников, последние просмотренные фильмы, любимые игры. Потом заказали пива, а за ним ещё. После четвёртой кружки начали собираться.

7

Утром Лёха встал рано. Сходил в душ, позавтракал яичницей с кофе, оделся в камуфляж и пошёл в военкомат.

По своим вещам он ещё раньше договорился с соседом. Тот пообещал беречь до возвращения. Да и какие вещи у холостого квартиростьёмщика? Пара сумок с одеждой, ноутбук, мелочь разная. С арендодателем вопрос решился просто: в квартиру переедет коллега по заводу. Он как раз искал недорогое жильё рядом с работой.

Лёха шёл до военкомата минут десять. Прохожие, заметив его камуфляж, сочувственно смотрели вслед. Сам же Лёха не чувствовал себя несчастным. Но и сильно счастливым тоже.

Перед оранжево-кирпичным зданием с нарисованным на нём бело-сине-красным флагом стояли четыре больших синих автобуса и толпа мобилизованных и их родственников, друзей, девушек.

Лёха обратил внимание на разнообразие одежды у мобилизованных. Примерно половина надела камуфляж разнообразных оттенков – от старой «флоры» до новомодного «мультикама», другая половина осталась в «гражданке». Правда, большинство не в новой одежде, а уже поношенной, чтобы не жалко выкинуть. Сразу видно, что люди уже служили в армии – не срочники.

Такая же пестрота наблюдалась и среди рюкзаков: одни притащили огромные восьмидесятилитровые туристические рюкзаки, другие – небольшие тактические на пятнадцать – двадцать литров. Нашлись отдельные уникамы, которые пришли вообще без ручной клади. Видимо, послушались военкома и наивно надеялись, что армия всем обеспечит.

Ещё Лёха обратил внимание на двух мужчин лет сорока, одетых не только в камуфляж, но и в бронжилеты с разгрузками. Они с лёгким самодовольством смотрели на остальных мобилизованных и лениво курили. Похоже, уже воевавшие в Чечне или на Донбассе в 2014 году.

Из глаз матерей и жён лились слёзы, и они нежно обнимали своих детей и мужчин. Лёхе стало немного завидно и грустно, ведь его никто не провожал.

– Лёша, я тут...

Лёха резко обернулся и увидел Милу. Одета в короткое платье и свои любимые кроссовки, она стояла у двери в военкомат, чтобы не пропустить его.

Лёха бросился к ней и сжал в объятиях. Мила всем телом прижалась к нему.

– Не уезжай, Лёша!..

– Не могу!..

– Не уезжай!.. – заплакала Мила.

Лёха снова обнял Милу и стал гладить её мягкие волосы.

– Всё будет нормально. Скоро война закончится, и я вернусь.

– Не уезжай!..

Из двери военкомата вышел седой мужчина лет пятидесяти, одетый в военную форму, с планкой наград на груди, и начал зачитывать список перед построившимися в шеренгу мобилизованными:

– Сергеев.

– Я.

– Бернадзе.

– Я.

– Ищенко.

– Я.

– Мазамаров.

– Я.

– Петров.

– Я...

Назвавшиеся закидывали на плечи лямки своих рюкзаков и грузились в автобус.

– Студеникин.

– Я...

Лёха тоже направился к автобусу. Рюкзак он закинул в багажное отделение. Сам же сел в автобус. Ему повезло – занял место у окна, обращённого к военкомату. И он видел делающую ему знаки грустную Милу. Жестами они переговаривались, пока Лёха не догадался позвонить.

– Я люблю тебя!..

– И я тоже!..

– Жди меня, и я вернусь!..

– Я буду ждать!..

Наконец, автобус сдвинулся с места, и Лёха положил трубку. Но ещё минут десять ему виделось в окне автобуса грустное лицо Милы.

Тем временем они проехали родной район, затем центр с его старинным монастырём и памятником основателю города и, наконец, свернули на окружное шоссе. Асфальт на шоссе оказался отличным, неплохим он был и на федеральной трассе, на которую они скоро попали. Вскоре он стал мокрым. Начался дождь, роняя на дорогу капли в такт движению автобуса.

Мелькали дачные посёлки, за ними – несколько деревень с обитыми штакетником избами, затем начался лес. Лес был преимущественно сосновый, но иногда попадались и островки смешанной растительности. Под успокаивающее мелькание верхушек сосен и стекающие по стеклу потоки воды Лёха заснул. И снился ему очень приятный сон. О том, как они с Милой, наконец-то, стали жить вместе, потом поженились, завели детей...

Глава третья

1

Спустя три часа автобусы с мобилизованными оказались в соседней области на территории учебного центра. До СВО там готовили сержантов-связистов. Теперь же развернули лагерь подготовки мобилизованных.

Учебный центр, состоящий из трёх серых двухэтажных казарм, трёхэтажного учебного корпуса и нескольких ангаров, находился посреди соснового леса. От деревьев его отделял серый бетонный забор с колючей проволокой. В двух километрах от корпуса располагалось обширное поле, служившее полигоном.

В семи километрах от части находился небольшой городок Зайцев – местный райцентр. В нем имелось всё, что положено типичному среднерусскому городку – администрация, почта, отделение Сбербанка, полуразрушенный монастырь, несколько магазинов и многотлетняя история. Конкретно, в этом городке раньше располагалась столица небольшого княжества, в котором правил один из многочисленных потомков владими́ро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо.

По легенде, перед битвой с татарами князю приснился заяц-русак, бивший по пню как по барабану лапами. Князь проснулся и, встревоженный, построил войско к битве. И не прогадал: татары как раз готовились выступить против русичей. После выигранной битвы князь основал на её месте город и назвал его Зайцевым. В честь этого события в XVIII веке на гербе города разместили зайца с барабаном.

С воинской частью у городка сложились непростые отношения. В городе жили офицеры с семьями, а местные жители работали в части. Мужики – прапорщиками и сержантами, женщины – поварихами и уборщицами. Курсантов же центра в городе недолюбливали. В увольнительных они часто приставали к местным девушкам, что вызывало неудовольствие парней из райцентра. Заканчивалось это, как правило, драками. Хотя грань в этих поединках никто не нарушал. Скорее многолетняя традиция, чем реальная вражда.

Тем более, насчёт «приставали» ещё бабушка надвое сказала. В связисты, как правило, отправляли парней из крупных городов с высшим и средним образованием. Видных женихов по местным меркам. Которых, кстати, в городке не хватало. Не Иваново, конечно, но средняя полоса России.

Седой полковник в зеленой форме с орденом Мужества и двумя «Отвагами» на груди построил новую партию мобилизованных, проверил по списку и довёл до них правила распорядка: не пить, не мусорить, не срать и не срать на улице.

– Мужики, – продолжил полковник, – все понимаю ...идрить вас, вы не срочники, жизни понюхали, и не контрактники, и потому приехали сюда не добровольно. Но... – тут полковник погрозил рукой, – армия не детский сад, и пока вы здесь обучаетесь, порядок должен быть. Дальнейшие инструкции доведу позже. А пока занимаетесь размещением. И смотрите мне!..

2

Когда сюда приехал Лёха, места в казармах и общежитиях уже заняли предыдущие группы мобилизованных. Поэтому их группу разместили в ангаре с техникой (холода ещё не пришли), а утром выдали лопаты, каркасы и брезент для палаток. К вечеру вокруг казарм встал

палаточный лагерь на пятьсот человек. По периметру его бойцы аккуратно выкопали ямы и соорудили закрытые досками туалеты.

Строительство палаточного городка контролировали несколько офицеров-инструкторов. Сильно они не напрягались. Дали общие указания, и всё. Дальше мобилизованные справились сами. Лёха тоже не отставал от остальных: тем более, туристический опыт помогал. Ставить палатки, он умел, и не только это. Это было не особо сложно – главное правильно поставить каркас, а уж натянуть брезент проблем не составило.

Уже в первую ночь встал вопрос с матрасами и одеялами. На складе их в достаточном количестве не осталось. Со спальниками и пенками дела обстояли не лучше. Они оказались не у всех. Пришлось устраиваться как есть. Но на голой земле никто не спал. Сработала русская взаимовыручка. Поделались друг с другом, кто чем может. На следующий день стало легче: глава района прислал машину с матрасами: их реквизируют из детского лагеря. Они, правда, большинству бойцов не подходили по росту, но на безрыбье и рак – рыба.

В первый же день Лёха позвонил Миле.

– Привет, как дела? Очень скучаю по тебе!

– И я скучаю!

Рассказал о нехитром быте. Она о несданных зачётах.

– Давай до завтра. Буду скучать. Целую.

– И я целую.

И так каждый день. Кроме того, они постоянно переписывались. Благо, мобильный Интернет работал нормально.

– Что делаешь?..

– Яму копаю. А ты?..

– В магазин пошла...

И т. д.

Пару раз Мила присылала Лёхе ссылки на оппозиционные СМИ, где рассказывалось об ужасах войны и «зверствах» российской армии. «Смотри, я же тебе говорила». Лёха смотрел, но с Милой не спорил, впрочем, и не соглашался тоже.

Один раз она отправила видео, где мобилизованные жаловались, что их не кормят. «Стоит ли идти в армию, которая морит своих солдат голодом?» Тут он не выдержал и поспорил с ней. Дескать, туфта это всё. Это армия. Тут с питанием проблем нет. А то, что кому-то не нравится борщ и гречка с мясом, так это армия, а не ресторан.

Мила обиделась и полдня не отвечала. Потом сама же написала. «Привет, как дела?» Лёха ответил. «Что поделат! Женщины – они такие, – подумалось ему. – Сначала ссорятся, а потом делают вид, что ничего не случилось».

С едой действительно проблем не наблюдалось. Мобилизованные питались в общей столовой. Причём, служившие в 90-е и начале 2000-х приятно удивились качеству питания. Нормальное первое, второе, третье, даже салаты на выбор. И пусть салат только из капусты и моркови, всё равно неплохо.

Это немного не укладывалось в образ Российской армии, где и в 90-е и в начале 2000-х кормили не очень хорошо и очень однообразно. А вот парни помоложе, кто служил недавно, восприняли такое питание как должное. И даже возмущались, когда им не дали сока.

Через три дня подвезли материал для нар и нормальные матрасы с одеялами. Застучали молотки и зазвенели ножовки. К вечеру все спали в относительном комфорте. Ещё через два дня подвезли печки-буржуйки. Их сварили на местном заводе металлоконструкций после жалоб бойцов на холод и сырость. Наступил конец сентября, и дожди всю поливали землю.

С печками пришлось немного повозиться. Точнее, с трубами, чтобы правильно вывести их из палаток. А то так можно поставить, что всю палатку задымит или, ещё хуже, палатка загорится. В одной из палаток так и произошло. Один очень «умный» боец догадался плеснуть

в печку бензин, чтобы разжечь огонь. Палатку еле-еле потушили, а горе-боец попал на неделю в наряд.

Многие мобилизованные, конечно, негодовали из-за происходящего. Типа мы же в армию приехали, а не на стройку химкомбината. В ответ полковник построил всех и честно сказал:

– Мужики, я понимаю ваше возмущение. Но сейчас идёт война и объявлена мобилизация. И никто эту ё... ю мобилизацию с сорок пятого года не проводил. И никто к ней не готовился. Поэтому делаем, что можем, и вы должны делать всё, что можете. Для себя же стараетесь. Вам здесь месяца два жить...

Мобики (так их уже стали называть) побухтели и снова принялись за обустройство лагеря. И это на некоторое время успокоило всех. Тем более, большинство мобилизованных оказались рукастыми. Кто-то из деревни, кто-то работал на заводах или недавно закончил «учаги». А подавляющее большинство служили в армии. И значит в армейско-бытовом разбились. Хотя нашлись среди мобилизованных и не служившие срочную, и даже те, кто присяги не давал.

Последние присягали прямо тут, в учебном центре. Для этого их собирали после обеда на плацу человек по двадцать, где они и произносили знакомый большинству других мобилизованных текст:

«Я, (фамилия, имя, отчество), торжественно присягаю на верность своему Отечеству – Российской Федерации. Клянусь свято соблюдать Конституцию Российской Федерации, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников. Клянусь достойно исполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество».

Выглядело это смешно. Сорокалетние мужики читали текст присяги с листа, положенного в красную папку с орлом. Но это мобилизация, которая не проводилась очень давно. И эта мобилизация перевернула всё с ног на голову.

Самой большой проблемой стал дефицит формы. На складах учебного центра, разумеется, такого количества камуфляжа не имелось. Всё, что нашлось, раздали ещё первой группе мобилизованных. Тем, кто приехал на неделю раньше и жил в казармах. Они, кстати, уже начали проходить тренировки, в отличие от Лёхиной группы.

В итоге форму, всё-таки, завезли, но бойцам выдали не ВКПО³ из комплекта «Ратник», а более старую «юдашкинскую» форму. Той же расцветки («цифра»), но с погоном на груди, а не на плечах, и немного другими карманами. В основном больших и маленьких размеров. Со средними, как всегда в армии, наблюдался дефицит. Лёхе с ростом повезло. Потому и нужный размер нашёлся.

3

Лёха вообще неплохо устроился. Он сразу скорешился с двумя пацанами – Рыжим и Прапором. Нормальные отношения они поддерживали также с Цезарем, Волей, Коляном и Кентом.

Прапор – небольшого роста сорокалетний плотненький мужик с чёрной бородой и хитрыми глазами. В одной из своих прежних жизней служил прапорщиком и хорошо знал армейские порядки, а ещё он, будучи срочником, принимал участие в первой чеченской войне.

---

³ ВКПО – внесезонный армейский комплект полевого обмундирования.

Рыжий – молодой высокий парень с огненной шевелюрой, родом из деревни, а зарабатывал на жизнь монтажником на северных стройках. Немного наивный, но из-за отсутствия жизненного опыта, а не ума.

Вместе они обустроили большую палатку, в которой соорудили двухэтажные нары на взвод. Прапор при этом спал на самом козырном месте у печки. Рыжий рядом с ним, а Лёха ближе ко входу – он не любил сильную жару. Спал Лёха на нижней полке, под ней же на настиле из досок держал свой рюкзак. От скуки он взял в библиотеке части книги и стал читать.

Из того, что нашлось, ему больше всего понравился «Разгром». Небольшая повесть про борьбу дальневосточных партизан с японцами. Читая повесть, Лёха примеривал на себя роли Левинсона, Морозко и Мечика. И получалось как-то, что он слишком похож на Мечика. Такой же нерешительный, мягкий, безыдейный. А хотелось быть, конечно, Левинсоном.

Хотя Лёху устроило, если бы ими командовал командир, подобный партизанскому вожаку из книги Фадеева: заботящийся о сохранении своего отряда и, одновременно, готовый на всё ради выполнения боевой задачи. Кандидаты на роль Морозко, тем временем, похрапывали у печки.

Вслед за «Разгромом» Лёха осилил Василия Теркина. Еще не попав на фронт, он проникся солдатской мудростью Твардовского:

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава,
Кому темная вода, —
Ни приметы, ни следа.
Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Но больше всего его поразили, конечно, стихотворения Константина Симонова. Чего стоило только его знаменитое:

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.

Лёха выучил его наизусть и вечерами часто повторял про себя, одновременно думая о любимой девушке. «Любит ли Мила его и будет ли его ждать?» – вот какие вопросы всё больше и больше волновали Лёху. Мила, кстати, писала всё реже, хотя совсем не забывала. Парень успокаивал себя мыслями, что у неё началась сессия, и ей не до отношений, тем более удалённых.

Прапор, тем временем, легко наладил контакты с местным начальником склада, и скоро их палатка стала одной из самых благоустроенных. Он намутил генератор, электрический чайник, нормальную форму и много чего ещё. Не всё они, конечно, получили со складов, часть купили сами, и всё же... Остальные жители палатки, кстати, этой троице в плане хозяйства не перечили.

4

Ни Прапор, ни Рыжий на войну не рвались. Но и не пытались откосить. Мобилизовали – значит пойдём.

– Знаешь Лёша, – говорил Прапор, – я хоть и воевал в Чечне, и служил по контракту прапорщиком, но добровольцем на войну не пошёл бы. Потому что знаю, что ЭТО такое. Кровь, грязь, смерти. Романтики тут нет никакой. Но раз уж призвали, значит буду воевать.

Рыжий Прапора поддерживал, но любил ввернуть про Минобороны, что они «мало того, не могли разь... бать хохлов за три месяца, как обещали, так и мобилизацию нормально провести не смогли. Развели бардак хуже некуда». В последнем с Рыжим было солидарно большинство мобилизованных. Минобороны плохо организованной мобилизацией репутацию испортили себе изрядно.

С ними спорил парень из другого отделения – Юрист, среднего роста сорокалетний мужик в очках:

– Понимаете, пацаны, мобилизацию у нас в стране не проводили с 1941 года. Никто к ней оказался не готов. И Минобороны тоже. Их понять можно. Тем более, не голодаем и одеться есть во что.

Но по поводу того, что Минобороны и кадровая армия проиграли свою войну, и теперь Шойгу пытается выиграть её за счёт мобилизованных, он не спорил.

Но в целом с ним мало кто соглашался.

– Да начхать мне, сколько мобилизация не проводилась! – спорил с ним Кент. – На что тогда Минобороны с военкоматами миллиарды тратят? Начали эту самую мобилизацию, сделайте её нормально, без бардака, что ли. Чтобы всех спокойно собрать, распределить по ВУСам⁴, снабдить, обучить. А не как шас... я, артиллерист, попал непонятно куда и непонятно зачем.

Палатка дружно одобрила Кента. Обсуждали и ситуацию в стране в целом. Рыжий, как самый молодой, активно ругал власть.

– Вот я молодой, родился в деревне, закончил школу, отслужил в армии. Что для меня государство сделало? Бросило в жизнь, как ненужного щенка в воду, и сказало: выплывай. И я выплыл, работу нашёл, дом построил. И тут меня государство – раз и мобилизовало. Как так-то? А сынки чиновников по границам учатся и на дорогих машинах ездят.

Ему вторил Прапор:

– При Советском Союзе такого расслоения не было – все жили равно. И социальные гарантии были, и бесплатное здравоохранение, и образование. А сейчас что?..

Но опять с ними спорил Юрист. Он упрямо доказывал, что при Советах жилось хуже, чем сейчас, и, вообще, прежде чем требовать от государства – надо заслужить.

---

⁴ ВУС – военно-учётная специальность.

– Почему ты думаешь, что государство тебе должно? Ты ведь сам сказал, что родился и закончил школу. А еще ты лечился в больнице, ездил по дороге и много чего еще получил от государства, которое ты ругаешь. Так что ты должен государству. И мы все. И сейчас мы все за этот долг отработываем.

Тут уж Рыжий не выдержал и послал Юриста куда подальше, Кент же ответил:

– Не, Юрист, я не долг отработываю, а Родине своей служу. Как и все мы здесь, пускай не добровольно, но служим Родине. Потому что Родина в беде. Так было и в 1941-м, в 1812-м, так было всегда. Когда Россия попадала в ж... у, мужики вставали из-за печи, выкапывали из огорода ружьё и шли воевать.

5

Прапор оказался любителем выпить. И на этом пути его не могло ничего остановить. Но этим мобиков сложно удивить. Пили в лагере почти все, и никакие командирские окрики остановить алконавтов не могли. Правда, пили по-разному. Находились те, кто пили беспорядочно, и те, кто «просто выпивали». Лёха и Рыжий относились к последним, а Прапор скорее к первым. Хотя до чёртиков он все же не дожирался.

Немного сентиментальный Прапор часто вспоминал свою восемнадцатилетнюю дочку. Девушка только поступила в университет, и Прапор о ней беспокоился.

– Оля у меня умница и красавица – лучшая дочка на свете! Вернусь после войны куплю дом и поселюсь рядом с ней.

А вот бывшую жену вспоминал редко и без ностальгии.

– Стерва Маринка, пилила мне мозги семь лет, а потом нашла другого мужика, дохлика какого-то послушного, и теперь пилит мозги ему.

Притом не скрывал причины развода: «из-за пьянства». И нисколько не стеснялся этого, кстати. Прапор даже пытался подвести под пьянство теоретическую базу: «Дескать, мы на войне же, нас скоро могут убить, а чтобы не бояться смерти, надо пить».

– Прапор, – ответил Цезарь, один из бойцов, – если ты будешь так воевать, как пьёшь, то мы до Киева за месяц дойдем. – Все дружно поддержали Цезаря хохотом.

– Ничего, и такой до Киева дойду, и побыстрее некоторых, особо говорливых. До Грозного дошёл и до Киева дойду! – насупился Прапор.

Про Чечню он, вообще, рассказывал мало и с неохотой. Лишь один раз, подвыпив, обмолвился, как зачищали село.

– В селе том прятались «чехи», которые обстреливали наш блокпост. Об этом узнало командование и предъявило старейшинам ультиматум – или выдаёте, или будет зачистка. Ответа не получили, тогда мотострелки с техникой окружили село, а на зачистку отправили СОБР. У СОБРа завязался бой, и они вызвали на помощь нас.

Ну, и мы зашли в село, разбившись на группы. Видим дом, ломаем ворота, кричим «выходите», если не выходили, кидали гранаты и на штурм. И там уже не разбирали: боевик в доме или нет. Потому что как их отличишь-то? Противная работа! Только «чехи» в том селе убили трёх собровцев и пару наших бойцов. Один из них мой напарник – Колян.

Мы как раз в дом зашли, видим – подросток. Мы такие: выходи, пацан, не тронем. А он – бац и гранату кинул! Я-то со стороны улицы прикрывал, в меня так, мелкий осколок попал, а Колян – всё... От дома того даже мелкого камешка не оставили. Подогнали танк и из него весь дом разнесли. И не один дом разнесли тогда...

Но самая жесь началась в Грозном. Мы тогда весь север Чечни прошли и заходили в город через частный сектор с жёсткими боями. Почти в каждом доме «чехи» выкопали забе-

тонируемый подвал с запасами БК⁵, едой и водой. В этом частном секторе мы тогда кровью умылись. И, слава Богу, мы центр города не штурмовали. Там потери огромные были...

Несмотря на пристрастие к крепким напиткам, Прапор неплохо готовил и даже работал на гражданке поваром. Особенно удавались ему разного рода харчо, супы, шашлыки – он и жарил тоже отлично. Несмотря на наличие бесплатной столовской еды, многие группы мобиков уже в течение первой недели в лагере обзавелись мангалами и казанами. Город располагался рядом, и через таксистов всегда получалось заказать необходимое.

Благо, деньги у мобиков имелись. Сначала свои собственные. А потом на них полились разного рода выплаты. Сначала всем упала так называемая «президентская выплата», а потом региональные. Кто-то их тут же пропил и проел, а кто-то передал своим семьям. Лёха не сделал ни того, ни другого. Он почти не пил и был не женат. Поэтому деньги просто хранил на счету.

6

После того как все бойцы получили форму и берцы, начались занятия. Многих бывалых служак они разочаровали. Вначале инструкторы Центра попробовали учить мобиков строевой. За что получили окорот: дескать, мы на войну едем, учите нас воевать. А строевой нам и на ссрчке хватило.

Правда, как воевать, инструктора не знали: большинство из них годами учили срочников работе с рациями, строевой, сборке-разборке и стрельбе. На последних вещах они в итоге и остановились.

Разбитые на учебные взводы и отделения мобики стали ходить на полигон, где их учили стрелять по всем правилам ещё советской школы: стоя, сидя, лёжа. Но вдоволь настреляться не получалось. Патронов выдавали мало.

Перед занятиями требовалось подготовить стрельбище: расставить мишени, подтащить ящики с патронами, выкопать места для стрельбы. Делали это специально назначенные дежурные команды. Лёха, Рыжий и Прапор, кстати, в эту команду так и не попали. Очередь не дошла.

Лёха достаточно спокойно ко всему относился. Вспоминал сборку-разборку, ходил на стрельбы, выполнял приказы инструкторов и командира учебного взвода и отделения.

Действительно полезными стали занятия по стрельбе из пулемёта. Инструктор Иваныч (в миру – прапорщик Сергиенко) заставил выучить всю матчасть РПК. А затем показал, как правильно работать в паре, как стрелять стоя и лёжа. И что делать в экстренных ситуациях.

– Вам это ещё пригодится, пацаны. Пулемёт в бою всегда поможет. Без него на штурм идти или в обороне стоять – верная смерть.

Иваныч даже организовал соревнования между пулемётными расчётами. Кто быстрее зарядит короба, а потом выполнит набор из трёх упражнений: стрельба лёжа, сидя и стоя. Наградой победителю стала возможность расстрелять сразу пять коробов лент.

– Учитесь, пацаны, учитесь, пока вам дают возможность! На фронте не до обучения будет...

---

⁵ БК – боекомплект.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.